

А.С. Архипова, А.А. Кирзюк,
Е.Ф. Югай

Скрыть опасное имя: поэтика политической формулы

Работа посвящена разным типам избегания имени в советское время, от пропуска до сложных форм нейтрализации с помощью специальных формул и контекста. Одна из главных целей статьи – выявление данных механизмов, как семантических, так и формальных, и описание структуры формул нейтрализации.

Ключевые слова: эвфемизм, советский эзопов язык, избегание имени, «враги народа», еврейские имена, нейтрализация.

«What's in a name? That which we call a rose by any other name would smell as sweet» – в этой фразе Шекспира имя и объект, знак и денотат, связаны совершенно случайным образом – конвенционально, добавил бы Соссюр. Однако совсем не такой логики придерживались законотворцы Российской империи конца XVII – начала XVIII в., предусматривая жесткие наказания (сечение кнутом, вырывание языка и ссылка в Сибирь) тем, кто совершал ошибки в написании или произнесении высочайшего имени, даже если это было случайно. Множество таких дел приводит Евгений Анисимов, хотя он никак не объясняет причины такой тесной связи имени и сакрального субъекта, ограничиваясь одной фразой о магическом мышлении¹.

Интерпретация подобных странных юридических практик станет возможной, если мы вспомним о функции имени в традиционных обществах, где оно является не столько референцией

© Архипова А.С., Кирзюк А.А., Югай Е.Ф., 2017

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 16-06-00286А «Мониторинг актуального фольклора: база данных и корпусный анализ» в Центре прикладной урбанистики МВШСЭН.

к объекту, сколько способом символически обозначить статус индивида внутри социальной структуры (согласно Рэдклифф-Брануну², «личное имя – символ социальной личности, т. е. позиции, занимаемой индивидом в социальной структуре и общественной жизни»). Из этого следует, что неправильное употребление имени искажает социальный статус его носителя, что, в свою очередь, угрожает социальному порядку.

Судебная система XVIII в., согласно нашему анализу дел об искажении имен, обращала внимание на два типа неправильных операций с именем. Разберем каждую из них.

Во-первых, неправильное употребление имени нарушает референцию к индивиду высокого социального статуса. Отсюда проистекает множество дел за «описки в титуле», а также за использование уменьшительных форм имени. Например, крестьянин, сказавший *Катька* вместо *Ее Императорское величество Екатерина* мог быть сурово наказан. Во-вторых, имя индивида с высоким статусом не может быть помещено в не соответствующий этому статусу контекст, который оскорбляет «честь государя»³ (просторечие, брань, профанное употребление вместо сакрального и т. д.). Отсюда множество дел первой половины XVIII в., заведенных на неудачливых матерщинников, упомянувших имя императорской особы вместе с бранью. Именно опасностью помещения высочайших имен в сниженный контекст можно объяснить распространение в послепетровской России присказки «Такой фаворит, что нельзя и говорить»⁴. С одной стороны, упоминание имени фаворита, обычного человека, в связи с высочайшей особой помещает имя императрицы в непристойный контекст. С другой стороны, фаворит настолько приближен к императорской особе, что на его имя распространяются те же правила, что и для императрицы.

Второй тип неправильных операций с именем возникает в ситуации, когда носитель имени исключен из социума. Его имя не может продолжать существовать в нем, поэтому подлежит уничтожению или замене. Семье Пугачева запретили носить его имя⁵, а отстраненного от престола Антона Иоанновича при дворе Елизаветы Петровны и в документах называли не иначе, как «Известная особа»⁶. Хранение любого документа с его подлинным именем (включая грамоты о присяге) карались очень жестоко (Указ от 1744 г.).

Практики судебного преследования неправильного употребления *сакрального имени* и *опального имени* стали считаться архаичными уже к середине XIX в. Однако с середины 30-х гг., в разгар сталинских репрессий, подобные практики вновь стали востребованы –

и связано это с тем, что и сакральное имя в неправильном контексте, и опальное стали вновь потенциально опасны. О практиках обращения с такими именами в социалистических системах (не только советской, но и кубинской) рассказывается в этой статье.

Опасное имя в советской культуре

Присутствие портрета и имени вождя в советском пространстве не только указывало на его позицию в иерархии, но устанавливало персональную связь советского человека с вождем; поэтому упоминание имени и хранение портрета было актом выражения лояльности. Вследствие этого хранение книги даже с простым упоминанием Троцкого или Каменева трактовалось карательными органами как лояльность опальным лидерам, даже в тех случаях, где не было никаких выражений симпатии. В спецхран Пушкинского Дома («особое хранение», где хранилась запрещенная к выдаче литература) попало много частушек, где упоминается Троцкий, во многих случаях – в негативном ключе⁷.

В соответствии с этой логикой советские люди, узнавшие о процессе над очередным вредителем или врагом народа, стремились немедленно дистанцироваться от него – через уничтожение ранее чтимого имени и образа. Имя врага вычеркивалось и/или его лицо замазывалось в учебниках, энциклопедиях и вообще любых книгах, которые хранятся дома, а также в семейных фотоальбомах и письмах⁸. Мало того, иногда снятие портретов и вычеркивание имени было первым знаком начавшейся опалы⁹.

Советское следствие, начиная с 1935 г., на волне репрессий после убийства Кирова, следовало логике органов сыска первой половины XVIII в. и в отношении к сакральному имени и опальному имени. Имя любимого вождя не могло быть названо напрямую при цитировании антисоветской крамолы, поэтому его приходилось *скрывать*; особенно это касалось текстов, которые в языке судебного делопроизводства обозначались как «террористические выпады в адрес советского руководства». Боязнь повторения крамолы по отношению к сакральным персонам становится причиной нескольких инструкций карательных органов в 1935–1937 гг. В приказе от 31 июля 1936 г. (о порядке ведения записи протокола обвиняемых в антисоветской агитации) рекомендовалось приводить контрреволюционные высказывания, *не допуская дословной передачи оскорбительных циничных выражений по адресу руководителей партии и правительства*¹⁰.

В результате таких инструкций к 1937 г. сложилась следственная практика избегания опасного имени: при перепечатке первичного (рукописного) протокола допроса из него извлекались имена вождей, фигурирующие в крамольном тексте: вместо них использовались специальные формулы или многоточия. Соблюдать это правило было особенно важно для документов, которые могли появиться на публике (например, в выписке из протокола)¹¹. Сусанна Соломоновна Печуро, член молодежной антисталинской организации, вспоминала про запрет следователей упоминать имя Сталина во время следствия 1951 г.:

...это было категорически запрещено. Ни в одном нашем протоколе слова «Сталин» не было. ...Просто прочерк или многоточие. И когда, например, кто-нибудь из нас, поначалу, непривыкши, спрашивал: «А почему вы не пишете так?» – «Это произносить нельзя». И, кроме того: «Ну все же сами знают, о ком здесь могла идти речь». ...«Почему вы не пишете это, вы же меня в этом обвиняете?» – «Нет-нет, это здесь произносить нельзя». ...Так что у нас с самого начала было впечатление такое, что они безумно боятся, причем, боятся как каких-нибудь шаманов, потому что отношение к человеку с такого рода страхом просто не могло быть. А это как к какому-то сверхъестественному существу, чье имя нельзя называть, как имя Бога и т. д.¹²

Практика избегания сакрального имени при цитировании крамолы сохранилась до середины 50-х гг. Из ремарки – *Напрасно полностью фамилии [в данном случае – Хрущева] указывают в сообщениях*¹³, – сделанной заместителем Генерального прокурора, мы знаем, что представление об опасности упоминания имен (опальных и сакральных) было актуальным еще в 1959 г. В отдельных случаях инерция такого запрета продолжала действовать и в более поздний период¹⁴.

Итак, в определенных ситуациях и говорящий, и слушающий, и автор, и читатель были вынуждены либо вообще избегать упоминаний опального или сакрального имени, либо прибегнуть к дополнительной лингвистической операции, чтобы обозначить опасный объект и вместе с тем не назвать его напрямую. По этой причине в советской культуре стал необычайно популярен прием нейтрализации, который должен был скрыть опасное имя. В статье на материалах интервью и архивных данных¹⁵ мы рассмотрим развитие этого явления в период с 1930-х по 1980-е гг. и в заключение обсудим, какие социальные функции делают возможным и даже желательным существование таких приемов нейтрализации в советский период.

«Ус» или «один из...»: X-phemisms и нейтрализация

Сточкизрения семантической теории X-фемизмов (*X-phemisms*) Кейта Аллана и Кэйт Барридж¹⁶ в зависимости от коммуникативной ситуации мы можем назвать ситуацию или явление прямо, используя ортофемизм¹⁷ (*он умер*), заменить эвфемизмом (*он ушел от нас*) или дисфемизмом (*откинул копыта*). Аналогично в английском языке *defecate* является ортофемизмом, *poop* – эвфемизмом, а *shit* – дисфемизмом¹⁸. «Говорить эвфемистически – это значит использовать язык как щит против опасного, нежеланного, неприятного, эвфемизмы не должны быть обидными и должны иметь позитивные коннотации; говорить дисфемизмами означает использовать язык как оружие для атаки других или, по крайней мере, для их исключения»¹⁹. Таким образом, эвфемизм – строго обратное явление для дисфемизма. Если дисфемизм понижает статус обсуждаемого объекта и имеет своей целью обидеть, оскорбить или смутить слушающего, то эвфемизм – наоборот – защищает слушающего, повышая статус объекта, например, через использование высокого стиля.

В советское время эвфемистическими обозначениями генсека, указывающими на высокий статус, были *вождь и учитель, отец народов* или обязательная риторическая формула при обращении *Дорогой Иосиф Виссарионович* – иногда даже в устной беседе. Согласно рассказу одной колхозницы 1926 г. р., в деревне под Псковом (откуда она родом) не только никогда не использовали его прозвища, но даже боялись называть его по фамилии, потому старались либо не говорить о нем, либо даже в устной беседе говорить *дорогой Иосиф Виссарионович* [Инф. 4]. В устной среде (как правило, городской) функционировали дисфемизмы – презрительные клички *Усатый, Ус, Сапожник и Гуталинщик*. Также вождь кубинской революции Фидель Кастро официально называется *El Chefe* или *El Comandante*, а неофициально, например, *El Mentiro* ('лжец') или *Cara de Coco* (букв. 'лицо кокоса', означающее то же самое)²⁰.

Так бы описали советскую и кубинскую системы именования вождей Аллан и Барридж. Однако при таком подходе за бортом остаются многочисленные конструкции, которые также активно использовались – некоторые в устной сфере, а другие – только в документах карательных органов. Например, забегая вперед, скажем, что в выписках из протоколов (которые давались на руки заключенным или родственникам) Сталин мог именоваться «один из руководителей партии и правительства». Это словосочетание

не понижает и не повышает статус Сталина, оно – подчеркнуто нейтрально. Можно ли тогда считать его дисфемизмом или эвфемизмом? На наш взгляд – нет, потому что этот прием преследует иную цель, чем дисфемизация или эвфемизация в концепции Аллана–Барридж. Если эвфемизм завышает статус объекта, а дисфемизм понижает, то нейтрализация преследует другую цель – она *скрывает*. На Кубе система эвфемизмов и дисфемизмов по отношению к вождю кубинской революции была (и есть) развита чрезвычайно, она позволяет кубинцам выражать свое отношение к лидеру революции. Однако приемы нейтрализации (например, «один из руководителей партии и правительства») не встречаются²¹. Причина этого – в отсутствии массового преследования за упоминание имени в неподобающем контексте и в отсутствии необходимости скрывать опасное имя в связи с этим.

Термин *нейтрализация* в таком значении придумали авторы этой статьи. В.Г. Дмитриев, специалист по русским псевдонимам, предлагал называть псевдонимы типа «Иванов, Петров» («русская фамилия, не вызывающая никаких ассоциаций») *нейтронимами*²². В терминологии Романа Тименчика *нейтроним* лишает субъекта индивидуальности через указание (часто ироничное) на свойства некой группы, к которой причисляется этот субъект (*иваны, фрицы*).

С нашей точки зрения *нейтроним* является частным случаем приема *нейтрализации* (индивидуальное имя замещается типическим). В самом широком смысле нейтрализация представляет собой прием, нацеленный на избегание прямой референции к опасному субъекту с сохранением возможности «прочитать спрятанное», т. е. дать собеседнику возможность понять, о ком идет речь.

Различение X-фемизмов (как Аллан и Барридж называют всю эту группу) и нейтрализующих конструкций иногда не такое простое, и для этого нам необходимо помнить о базовом и контекстном значении слова. Как правило, нейтрализующие конструкции лишены стилистической или экспрессивной окраски. Например, начиная, возможно, с 50-х гг., в устный советский язык входит конструкция «пятая графа» или «пятый пункт» («С его пятой графой мы не можем взять его на работу», он – «инвалид по пятой группе»), которая отсылает к пятому пункту в анкете в отделе кадров, где указывается национальность. Базовое значение выражения «пятая графа» – нейтрально, оно не является ни дисфемизмом, ни эвфемизмом. Однако в конкретном контексте эта конструкция может дрейфовать в сторону дисфемизма – в тех случаях, когда использующие ее стараются таким образом обидеть адресата, или, наоборот, становится эвфемизмом в той ситуации, когда говорящий

считает, что, говоря о «пятой графе» в присутствии евреев, он делает стилистически вежливый жест. У конструкций, используемых при нейтрализации, базовое значение – нейтрально, в то время как у дисфемизмов даже базовое значение уже пейоративно (кличка «Гуталинщик» будет оскорбительна в любом контексте).

Типы нейтрализации

В статье мы покажем, что существует три основных приема нейтрализации. Нейтрализация семантическая, которая обрабатывает смысл слова, нейтрализация формальная, которая защищает говорящего или слушающего через операцию с формальной структурой слова, и фреймирующая нейтрализация, которая допускает прямое произнесение или написание опасного слова, но добавляет к нему специальный знак, указывая, как правильно его читать, чтобы избежать опасности. Кратко эти типы приведены в табл.

Семантическая нейтрализация

1.а. Полное избегание имени (замена на нулевой знак). Первый тип семантической нейтрализации предполагает практически полное уничтожение имени – часто без возможности восстановления. В концепции Романа Якобсона функционирование системы языка основано именно на «противопоставлении некоторого факта ничему», т. е. на контрадикторном противопоставлении. Применительно к нашему материалу пара «наличие – отсутствие имени» представляет собой контрадикторное противопоставление; отсутствие имени становится одним из членов этой оппозиции – в терминологии Якобсона, *нулевым знаком*²³. Такой тип семантической нейтрализации оказывается наиболее сильным и используется применительно к очень «опасным» именам (как «опальным», так и к «сакральным»). Нулевой знак вместо опасного имени физически оформлялся как дыра в странице (см. рис.) или лакуна в тексте (многоточие, прочерк, пропуск).

Пример абсолютной замены опасного имени на нулевой знак нам дает случай Каменева – известного большевистского деятеля, расстрелянного в 1936 г. До своего ареста он был редактором самых престижных и идеологически значимых советских изданий. После имя Каменева было изъято из всех таких изданий: так, в собрании сочинений Ленина 1935 г. имя «предателя» было вырезано бритвой (см. рис.).

Таблица 1

Типы нейтрализации в советской политической культуре

I Семантическая нейтрализация		II Нейтрализация по формальному признаку		III Фреймирующая нейтрализация	
Типы замены					
а. пустое множественное	б. знак из другой семантической системы	с. типичное имя ряда	д. принадлежность к группе	е. указание на свойство или признак	ф. перевод на другой язык
				г. немаркированное слово из той же группы	в. фонетическое созвучие
					указание на опасность при сохранении имени
Примеры					
Прочерк в следственном деле при упоминании Сталина	Заклоченный № 3	Василий Сталин > Васильев	Сталин > один из руководителей партии и правительства	Еврейская национальность > пятая графа	Эйнштейн > Однокамушкин
				Бухарин > Волгин	Троцкий > Тронский
				Берия > Берингов пролив	Rodrigo (t) Где Родриго – герой революции, a t – traitor (предатель)

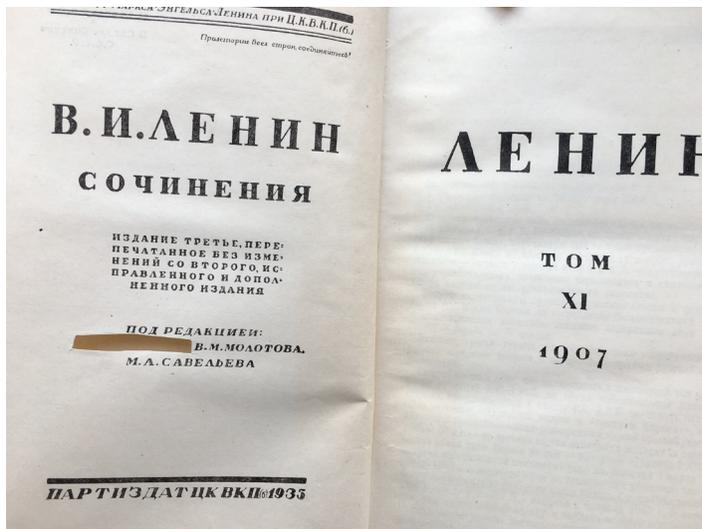

Рис. 1. Вырезанное имя Каменева
в издании собрания сочинений В.И. Ленина 1935 г.²⁴

В следственных документах карательных органов только при записи первичного протокола опасное имя называлось полностью. В дальнейшем делопроизводстве вместо этого имени стоял нулевой знак (многоточие или прочерк) или сложная замена (другой, менее сильный тип нейтрализации – о нем см. ниже). В 1941 г. бывший моряк Василий Кириллович Трачев был осужден по статье 58-10 «Антисоветская агитация и пропаганда» за рассказывание анекдота о вожде пролетариата. В первичном протоколе допроса, написанном следователем от руки, фрагмент анекдота пересказывается следующим образом: «Ленин держал правую руку вверх, потому что призывал массы, а левой придерживал низовые ячейки»²⁵. В обвинительном заключении имя Ленина уже отсутствует. Следователь не мог упомянуть это имя в столь неподобающем контексте, поэтому нейтрализовал опасность. В одном случае его заменили многоточием, а в другом – оборотом «один из руководителей ВКП(б)»:

Обвиняемый Трачев...²⁶ краснофлотцам задал вопрос: «Почему один из руководителей ВКП(б), когда выступал, одну руку держал вверх, а другую – вниз?» Трачев на свой вопрос ответил: «.....держал правую руку вверх, потому что он призывал массы, а левой придерживал низовые ячейки».

Такой прием применялся, если, например, в оригинальном тексте имя вождя сопровождалось грубой бранью. В 1949 г. сотрудник органов Одесской области пересказывает листовку, написанную от лица «Жукова», призывающего украинцев к восстанию против Сталина:

Дорогие украинцы это к вам обращается Жуков. ...Правды у Советской стране нет. Все построено так что на черное каже белое на белое каже черное. В Советской стране народ бедный. Сам паразит, идиот, гад, _____, кровопиец _____ життя не дает²⁷.

На месте второго пропуска должно стоять имя генсека, потому что «кровопиец Сталин» было устойчивым клише разговорной речи. Скорее всего, первый пропуск – обценное слово, которое тоже не может оказаться в одном ряду с сакральным именем.

И.в. Замена опасного имени на знак из другой семиотической системы. В редких случаях «опасное имя» заменялось знаком из другой семиотической системы – как правило, числом. До 1954 г. в СССР действовало правило о «номерных заключенных» – некоторые «особо опасные» политические преступники получали при заключении вместо имени номер и в дальнейшем так и фигурировали во всех документах. Например, во Владимирской спецтюрьме под номерами содержались члены правительства бывшей независимой Латвийской республики. Подлинные имена некоторых номерных заключенных из Владимирской тюрьмы так и не удалось восстановить. Член Еврейского антифашистского комитета Дер Нистер в 1950 г. погиб в лагере в Республике Коми и также был похоронен под номером²⁸.

Начиная с 1930 г. Тотемский район Вологодской области оканчивается местом ссылки кулаков, немцев, украинцев. Поселки, где они жили, не имели имен, а назывались по номерам: спецпоселения возле деревень куста Вожбал – *Первый Поселок, Второй Поселок* и т. д. или просто *Поселки* (что характерно, жители этих мест в своих письменных документах писали слово *Поселок* с большой буквы), а возле деревни Чуриловка – *Первый квартал, Второй квартал*)²⁹.

И.с. Замена опасного имени на типичное имя ряда. Кроме такой радикальной нейтрализации, как замена опасного имени на нулевой знак или на знак из другой системы, в советской политической культуре существовали и более «мягкие» формы. Один из способов нейтрализации представлял собой замену опасного имени на типичное имя ряда.

В 1953 г., через месяц после смерти своего отца, Василий Сталин был обвинен по статье 58-10 и заключен во Владимирскую

тюрьму, где не оказался номерным заключенным, но вместо этого получил новое имя: Василий Павлович Васильев. Василий Васильев – это классический нейтроним. Знаковое имя «Сталин» не могло фигурировать в негативном контексте и не могло принадлежать преступнику. Что характерно, Василий и дальше не мог жить с такой фамилией. Когда он вышел из тюрьмы, ему запретили носить фамилию «Сталин», и вплоть до своей смерти он именовался «Василий Джугашвили». Даже настоящая фамилия генсека больше подходила для ассоциации с бывшим преступником, чем «Сталин».

I.d. Замена опасного имени через указание на принадлежность к группе. Гораздо более популярен был прием замены опасного имени через указание на принадлежность к некоей группе.

Моряка Павла Овчаренко приговорили в 1941 г. за вопрос о японской армии. Этот разговор в приговоре Военного трибунала Амурской Краснознаменной флотилии от 9 августа 1941 г. передан следующим образом:

...подсудимый ОВЧАРЕНКО в беседах с военнослужащими возводил контрреволюционную клевету на материальное положение трудящихся СССР, клеветал на советскую печать и восхвалял армию одного из капиталистических государств³⁰.

Название страны (Япония) в этом приговоре нейтрализуется через превращение в *одно из капиталистических государств*. Перед нами нейтрализующая конструкция «один из группы Х». В выписке из протокола 1953 г. такой же нейтрализации подвергается Америка: «восхвалял военную мощь одного из капиталистических государств». В самом протоколе приводятся слова подсудимого: «Я сам с американцами буду бомбить вас»³¹.

При необходимости упоминания «сакральных имен» в опасном контексте группа Х «прячет» в себе личность конкретного правителя. Например, в выписке из протокола 1953 г. некий анекдот пересказывался следующим образом:

Заболел один из руководителей нашего государства и не мог вылечиться. Тогда другой руководитель нашего государства написал на некоторых местах слово «колхоз» и сразу все микробы болезни разбежались³².

Один персонаж обозначен как «один из руководителей нашего государства», второй – «другой руководитель нашего государства». Кто из них кто? В многочисленных устных версиях этого анекдота

Сталина одолевают паразиты, и он приходит за помощью, как правило, к Карлу Радеку: «Сталин спрашивает Радека, как избавиться от клопов, и Радек отвечает: “А Вы организуйте из них колхоз и они сами разбегутся”»³³.

Таким образом, «один из руководителей партии» – это Сталин, а «другой руководитель партии и правительства» – некий советчик с явно более низким рангом, например, Радек. Перед нами *понижающая нейтрализация*, занижающая статус сакрального персонажа, причем чем выше этот статус в реальности, тем с большей вероятностью к нему будет применена формула «один из X».

Из дела врача Розенберга 1953 г. мы точно знаем, что за понижающим нейтронимом «один из руководителей» чаще всего скрывалось имя Сталина. Розенберг был обвинен в том, что в 1952 г. назвал новый вид венерического гонококка «по имени одного из руководителей партии и правительства Советского Союза». Врач оправдался тем, что гонококк был назван не именем «одного из руководителей», а по имени города Сталинска, где гонококк был выявлен³⁴.

При этом чистые эвфемизмы (например, «вождь народов / вождь партии») в выписках из приговоров встречаются значительно реже, чем нейтрализующая конструкция «один из X». Причина этого, видимо, заключается в том, что эвфемизм представляет собой слишком однозначную референцию к опасному объекту. Легко можно понять, о ком идет речь, а значит, нужны более сильные средства для защиты пишущего протокол – «понижающая нейтрализация», которая делает имя верховного правителя неразличимым в группе других «руководителей советского государства».

И.е. Замена опасного имени указанием на свойство или признак. Во время и после кампании по борьбе с «космополитизмом» система непрямых референций к еврейской теме успешно развивается. Самый распространенный нейтроним из этой группы – «пятая графа» / «пятый пункт», отсылающий к порядковому номеру графы «национальность» в формуляре личного листка по учету кадров.

Другим известным нейтронимом для еврея было слово «француз». Такая семантическая ассоциация была неочевидна для носителей и поэтому порождала многочисленные интерпретации, часто иронические. В одной еврейской семье бабушка говорила внуку, что он «француз», объясняя, что его предки (возможно, маркитанты) пришли с Наполеоном, при этом в версии самого внука уподобление происходило по признакам «кудрявый» и «картавит» [Инф. 5]. Мнению информанта вторит «Словарь московского аргю», где замена «еврей – француз» объясняется грассированием «р» в про-

изношении³⁵. По мнению В.А. Дымщица (Центр «Петербургская иудаика»), механизм такой замены основывался на том, что «французским» называли все вообще дурное и неприличное, начиная от мата («простите мой французский», «французская болезнь»).

I.f. Избегание опасного имени через перевод на другой язык. К такому типу нейтрализации часто прибегали представители депривированных этнических групп. Вайс в такой ситуации становился Беловым, а Берлович – Медведевым [Инф. 5]. На этом приеме построен известный анекдот 1960–70-х гг., обыгрывающий неприятие иностранных имен во время борьбы с «низкопоклонством перед Западом»:

Защищается молодой талантливый физик и во время защиты все время ссылается на труды товарища Однокамушкина. После защиты к нему подходит коллега и говорит:

– Прекрасная защита, но простите, а кто такой этот Однокамушкин?

– Это я так перевел Эйнштейна.

I.g. Немаркированное слово из той же группы. И наконец, еще один тип семантической нейтрализации представляет собой простую замену опасного имени на любое немаркированное слово из того же ряда. Так, в 1938 г. человек, носящий фамилию Бухарин, меняет ее на нейтральную *Волгин*.

II. Нейтрализация по формальному признаку

В отличие от нейтрализации семантической, следующий тип нейтрализации опирается на формальные особенности опасного имени – на случайные фонетические созвучия и / или совпадения буквенного ряда.

II.a. Совпадение буквенного ряда. Летом 1953 г., после снятия Лаврентия Берия со всех постов, всем подписчикам «Большой советской энциклопедии» было прислано предписание из МВД о замене статьи о Берии на статью «Берингов пролив»:

Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия» рекомендует изъять из 5-го тома БСЭ 21-ю, 22-ю, 23-ю и 24-ю страницы, а также портрет, вклеенный между 22-й и 23-й страницами, взамен которых Вам высылаются страницы с новым текстом.

Стоит обратить внимание, что в этом предписании МВД о замене статьи имя Берии уже никак не упоминается, а вместо этого приводятся точные страницы, откуда надо изъять статью. *Берингов пролив* был использован для нейтрализации опасного имени за счет буквенного ряда – властному институту было важно соблюсти «алфавитное совпадение».

П.в. Фонетическое созвучие. Замена опасного имени на другое, частично близкое фонетически, начиная с 30-х гг. стала популярным приемом не просто нейтрализации, но самонейтрализации. Впервые это стало происходить более-менее массово в 1929–1930 гг., во время коллективизации. Кулак, Богач или Рвач избавляются от своих фамилий и становятся Горным, Первомайским и Пушкиным³⁶. Во время Большого террора иметь фамилию, созвучную с именем врага народа, стало предельно опасно: даже те, кто случайно обладает фамилией Троцкий, могли быть арестованы (один мемуарист описывает целую камеру Троцких в Киеве, арестованных «за имя»³⁷). Как следствие, в 1937–1938 гг. в газете «Вечерняя Москва» на последней странице появляются многочисленные объявления, свидетельствующие о желании как можно скорее избавиться от имен типа Каменев или Бухарин.

Один из приемов, который делал автонеutralизацию легкой и действенной, – частичная фонетическая замена. При этом фамилия как бы оставалась «своей». Некий Борис Михайлович Троцкий 9 июня 1937 г. поменял свою фамилию на Трояновский³⁸, а известный исследователь античной культуры Иосиф Моисеевич Тронский вовсе не был Тронским при рождении.

III. Фреймирующая нейтрализация

Два предыдущих типа нейтрализации (семантическая и формальная) направлены на то, чтобы скрыть опасное имя. Адресат может «восстановить» имя, но для этого он должен обладать некоторыми фоновыми знаниями. Третий же тип нейтрализации позволяет не прятать опасное имя, а прямо назвать или написать его – с условием, что оно будет снабжено (фреймировано) некоторым «интерпретативным индексом», с помощью которого адресату указывается, как распознать опасность.

Аналог механизма, действующего в приеме «фреймирующей нейтрализации», мы можем найти в традиционных мифологических представлениях. Так, согласно представлениям восточных славян, опасное имя (покойника или демонологического персонажа) можно

произнести, если сопроводить его действием, нейтрализующим исходящую от него опасность – например, перекреститься, сплюнуть или сказать охранительную формулу («земля ему пухом»).

В социалистической Кубе 60-х гг. имена *предателей родины*, которые сначала участвовали в революции, а потом, после ее победы, сменили свои взгляды (кто-то был арестован, кто-то эмигрировал в Майями), публично оставались на своих местах, в ряду других героев, например, на фотографиях революционеров в Музее революции в Гаване³⁹. Только вслед за упоминанием таких имен в списках революционеров следует в скобках маленькая буква (t) – сокращение от слова *traitor* – «предатель» или знак «*». Таким образом, имя не уничтожается (как это было бы сделано в раннем СССР), но его чтение особым образом фреймируется для читателя.

В советской политической культуре такие примеры встречаются редко. В одной из рекомендаций КГБ следователям советовали пересказывать крамолу в сослагательном наклонении, т. е. использовать грамматическую фреймирующую нейтрализацию: «Подследственный такой-то заявил, что в СССР якобы нет демократии»⁴⁰. Частица «якобы» фреймирует высказывание как неистинное и тем самым делает допустимым его цитирование. Аналогичным образом действовали прилагательные «буржуазный» или «реакционный», которыми в различных предисловиях и учебниках сопровождался пересказ «опасных» с точки зрения советской идеологии идей.

Нейтрализация, автонеutralизация и антинеutralизация: от сокрытия к раскрытию опасного имени

Система нейтрализации опасного имени, типологию которой мы описали в статье, в полном объеме функционирует по крайней мере до середины 50-х гг., а во время кампании по борьбе с антисемитизмом получает второе дыхание.

Однако надо понимать, что социальная функция нейтрализации зависит от коммуникативной ситуации, в которой ее приходится применять.

Во-первых, приемы нейтрализации могут быть обращены к некоей группе извне (*outgroup*). Например, нейтрализующая конструкция «один из руководителей партии и правительства» в выписке из протокола ограничивает круг читателей, способных «угадать» имя, «своими» (следователями и прокурорами). Простой «внешний» читатель должен приложить много специальных усилий, чтобы узнать

из выписки, в посольство какой «одной из капиталистических стран» ходил обвиняемый, и кто подразумевается под «одним из руководителей партии и правительства» в анекдоте. Нейтрализация опасного имени здесь выполняет функцию отмежевания, «антисолидарности» – смысл речи одной группы сознательно затемняется для другой.

Во-вторых, депривированная (по политическому, социальному или этническому признаку) группа может прибегать к приему автонеutralизации – для того, чтобы вывести себя и представителей своей группы (*ingroup*) из класса опасных объектов: *Троцкий* становится *Тронским*.

И наконец, на фоне развитой системы нейтрализации возникают и примеры *антинейтрализации*. В 80–90-е годы ходили антисемитские шутки, что настоящая фамилия Сахарова – *Цукерман*. В этой «расшифровке» через «подлинную» еврейскую фамилию, лишённую скрывающей нейтрализации, проступает подлинная сущность и истинные мотивы *губителя России*. Но это совсем другая история.

Список информантов

[Инф. 1] – Б.М., муж., 1937 г. р., СПб.

[Инф. 2] – В.Д., муж., 1959 г. р., СПб.

[Инф. 3] – О.В., жен., 1975 г. р.

[Инф. 4] – А.К., жен., 1926 г. р., Псков.

[Инф. 5] – Д.К., муж., 1972 г. р., СПб.

Благодарности

Мы выражаем благодарность нашим коллегам Джонатану Ватерлоо, Валерию Дымщицу, Дмитрию Коломенскому, Габриэлю Суперфину и Иосифу Зислину за помощь в подборке материала и обсуждении этой статьи.

Примечания

¹ *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: НЛЮ, 1999. С. 21–58.

² *Рэдклиф-Браун А.* Структура и функции. М.: Восточная литература, 2001. С. 171.

- ³ См., например, указы об оскорблении чести государя (*Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 20).
- ⁴ *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 57.
- ⁵ *Овчинников Р.В.* Следствие и суд над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками. М.: ИРИ РАН, 1995. С. 223.
- ⁶ *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 58.
- ⁷ *Комелина Н.Г.* Политический фольклор из «особого хранения» фольклорного фонда Пушкинского Дома // *Русский политический фольклор* / Сост. и ред. А.А. Панченко. М.: Новое изд-во, 2013. С. 306–399.
- ⁸ Александр Родченко, например, сделал в 1937 г. альбом «Те десять лет Узбекистана» с фотографиями партийных деятелей. После их арестов художник начал тщательно зачеркивать их лица и имена в том экземпляре, который хранился у него дома (*Кинг Д.* Пропавшие комиссары. М.: Контакт-культура, 2005. С. 12–13, 146–147).
- ⁹ Такой эпизод описан, например, в мемуарах: *Зиборова А.К.* Записки сотрудницы СМЕРШа. М.: Кучково поле, 2011. С. 189.
- ¹⁰ История сталинского ГУЛАГа: конец 1920 – первая половина 1950-х гг.: Собр. документов: В 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. М.: РОССПЭН, 2004. С. 256.
- ¹¹ Подробнее см.: *Архипова А.С., Кирзюк А.А.* Границы опасного: советская власть в поисках «скрытых транскриптов» // *Городские тексты и практики*. Т. 1: Символическое сопротивление: тексты и практики. М.: Дело, 2016. С. 24–46.
- ¹² *Архипова А.С., Макаров А.А.* «Не веришь, прими за сказку»: лагерный фольклор 50-х гг. в рассказах Сусанны Печуро. М., 2018 [в печати].
- ¹³ Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. М.: Материк, 2005. С. 156.
- ¹⁴ Информант, осужденный в 1981 г. за стихотворение с ругательствами в адрес Брежнева, утверждает, что в его приговоре была формулировка «текст с клеветой на одного из членов Политбюро» [Инф. 1].
- ¹⁵ В статье использованы данные из интервью, записанных в 2016–2017 гг. в Москве, Вологде и Санкт-Петербурге, а также материалы опросов «Советские табу» (часть 1 посвящена речевым формулам по отношению к репрессированным, 9 открытых вопросов, 188 респондентов из разных городов СССР; часть 2 – о речевых формулах для обозначения этнических групп внутри СССР, 9 открытых вопросов, 152 респондента).
- ¹⁶ *Allan K., Burridge K.* Euphemism and dysphemism: language used as shield and weapon. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1991.
- ¹⁷ Ортофемизм – от греческого ‘ortho’ (правильный, прямой, нормальный) и ‘pheme’ (речь).
- ¹⁸ Стоит обратить внимание, что такое понимание эвфемизма не вполне соответствует его обыденному употреблению в русскоязычной среде, где под эвфемизмом понимается любая замена.

- ¹⁹ *Allan K., Burridge K.* Ibid. P. 222.
- ²⁰ *Arkhypova A.* “He-Who-Must-Be-Named”: Taboos and the Substitutions of Fidel Castro’s Name in Cuban Folklore // *Esseys in Honour of Arvo Krikmann / L. Laineste*, ed. Tartu: Tartu Literary Museum. 2014. P. 291–304.
- ²¹ Кубинский материал приведен в этой статье по полевым наблюдениям А.С. Архиповой в 2012–2017 гг.
- ²² *Тименчик Р.Д.* Об эмигрантских ложноименах // *Псевдонимы русского зарубежья*. М.: НЛО, 2016. С. 11.
- ²³ *Якобсон Р.О.* Нулевой знак // *Якобсон Р.О. Избранные работы*. М.: Прогресс, 1985.
- ²⁴ Исторический архив Института исследований Восточной Европы. Спасибо Татьяне Двинятиной за указание на этот источник.
- ²⁵ ГАРФ. Фонд 8131. Оп. 31. Д. 13043. С. 2. Оригинальное дело № 13688/3456 по НКВД Челябинской области. Спасибо нашему коллеге Джонатану Ватерлоо за указание на этот источник.
- ²⁶ Такие угловые скобки означают, что пропуск в тексте сделан нами, а не его авторами.
- ²⁷ Из сообщения начальника контрразведки г. Киева (предположительно 1949 г.). ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 819. Л. 15–17.
- ²⁸ В одном из лагерей ГУЛАГа в Коми найдена могила члена ЕАК писателя Дер Нистера [Электронный ресурс] // *Newsru*. 29.08.2017. URL.: <http://www.newsru.co.il/world/29aug2017/nister302.html> (дата обращения: 30.08.2017).
- ²⁹ Материалы экспедиции Московской высшей школы социальных и экономических наук в Тотемский район Вологодской области, август 2017 г.
- ³⁰ *Овчаренко П.Г.* Горечь: Воспоминания и размышления [1990 – дата создания, рукопись, хранится в Сахаровском фонде].
- ³¹ 58-10: Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде: Март 1953–1991 / Сост. О.В. Эдельман. М., 1999. С. 208.
- ³² Там же. С. 139.
- ³³ *Архипова А.С., Мельниченко М.М.* Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М.: ОГИ, 2011. С. 150.
- ³⁴ Крамола... С. 18.
- ³⁵ *Елистратов В.О.* Словарь московского аргю. М.: Русские словари, 1994. С. 511.
- ³⁶ *Селищев А.М.* Смена фамилий и личных имен // *Труды по знаковым системам*. Вып. 5. Тарту, 1971. С. 496–497.
- ³⁷ *Куротиа Н.* *Voices of Dead*. Yale Univ., 2005.
- ³⁸ Объявление о смене фамилий в газете «Вечерняя Москва» за 9 июня 1937 г.
- ³⁹ Полевые материалы А.С. Архиповой.
- ⁴⁰ Крамола... С. 24.